

Красавица

Автор:

Анастасия Евлахова

Красавица

Анастасия Евлахова

Trendbooks

Первое место в конкурсе «Новый старт».

Победитель конкурса рукописей Clever.

Шорт-лист премии «Новая детская книга».

В мире летающих черепах, на острове, который парит в Бездне, все люди одинаково красивы. На шрамы, лиловую кожу или третий глаз копят годами. У Мора лицо обезображено с рождения. Шрамы становятся ее входным билетом в мир элиты.

Девушку зачисляют в лучший университет острова! Но там Мора чувствует себя чужой, ее новым друзьям интересны лишь слухи и легенды о ее уродстве. Она скрывает, что ее посещают странные видения о чужом мире и симпатичном ученом, так непохожем на остальных...

Когда Рей появляется в ее мире, он становится первым, кто смотрит на нее без отвращения, первым, к кому она испытывает симпатию. Поможет ли он разгадать тайну шрамов на ее лице, если преследует на острове совершенно иные цели?

Анастасия Евлахова

Красавица

© Анастасия Евлахова, 2021

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2021

© Алена Позляева, изображение острова, 2021

© Ксения Грибанова, изображение на обложке, 2021

* * *

Глава 1. Подарок

Рыночные террасы волновались и шумели так, будто очередной Праздник урожая обещал стать последним. Трепетали гирлянды из бумажных цветов, полотнища флагов рвал ветер, а башня Оси, которая взмывала над крышами из сердца острова, сверкала так грозно, что Море было страшно на нее взглянуть. У лотков толкались и оглушительно хохотали, запахи печеных змеиных языков, каштановых булочек и соленой ваты резали ноздри.

Море хотелось убежать, но сердце восторженно колотилось, и она упрямо протискивалась вперед. После дождя на террасах собрались лужи, и ей это было на руку: можно было разбирать дорогу, не поднимая головы и не привлекая лишнего внимания. В левом кармане Мора сжимала подарок отцу – новый блок

памяти для домашнего мобуса, в правом – подарок матери: гребень, усыпанный пластиковыми камешками. А вот сестре она пока ничего не подыскала. Зикке дарить было нечего, и времени оставалось в обрез.

Сбоку выскочил зазывала:

– Купи драконьих яблок, красавица!

Мора споткнулась, и лоточник, почуяв легкую добычу, схватил ее за локоть.

– Дешевле не найдешь, ягодка! Утром из подземного сада, сочнее некуда. Вот-ка, попробуй!

На ладони у него лежал алый фрукт, разрезанный надвое – и правда свежий. Мякоть глянцевая, влажная, аппетитная. Мора облизнулась. Драконьих яблок она не ела много лет, даже на Праздник урожая.

Объясняться с лоточником было никак нельзя, поэтому Мора только повела плечом. Она уже повернулась, чтобы нырнуть в толпу, но тут ее толкнули, и лоточник отступил. В краешке лужи Мора увидела его глаза – круглые, как плоски для масла. Она прижала руки к груди и еще ниже опустила голову. Нет-нет, только не это...

Люди вокруг замедляли шаг, останавливались, пытались ее рассмотреть. По террасам прокатились вздохи. Отражения в лужах затоптали, и Мора больше не понимала, куда ей идти. Она знала, что так делать нельзя, но другого выхода у нее уже не было: она все-таки подняла взгляд, открыв лицо.

– Вы только посмотрите... – пробормотал кто-то.

Торговец выронил половинки драконьего яблока, и они поскакали, опережая друг друга, по террасам крыш вниз, в открытую Бездну. Мальчишка в толпе так крепко прижал к груди свою игрушку – небесную черепашку, что панцирь из дешевого пластика треснул. Девочка застыла с разинутым ртом, и щербет из рожка шлепнулся ей под ноги. Женщина глазела, не замечая, как из корзинки посыпались специи.

Где-то с секунду Мора их разглядывала. Почти никогда не позволяла она себе такой роскоши – смотреть прямо в глаза, – и это ее заворожило. Лица казались такими совершенными, что захватывало дух. Гладкая кожа и симметричные, словно по линейке выверенные черты казались почти ненастоящими. Даже изумленные гримасы не портили прекрасных, будто мраморных лиц, но Мора знала, что этой красоты, кроме нее, никто не замечает. До тех пор, пока среди красавиц и красавцев не появляется такая, как Мора.

– Заразная! – шепнул кто-то.

– Мутантка! – подхватили сбоку.

И толпа зашевелилась.

– Уродина... – понеслось отовсюду.

Мора втянула голову в плечи и отступила. Толпу перед ней рассекло надвое: зеваки принялись пятиться, как будто от одного прикосновения к «заразной» могли упасть замертво. Зазвенели цветными бусинами обереги.

– Прочь, прочь! – закричала старуха, потрясая амулетом с черными перьями.

Наконец Мора заметила в стороне лесенку, ведущую на террасу уровнем ниже, но кто-то преградил ей дорогу. Ей почудилось, что это один из солдат, и она сжалась. Мора собрала такую толпу, что впору было заподозрить забастовку, а с протестами расправлялись быстро. Но когда человек выпростал из складок балахона костлявую руку и схватил Мору за локоть, она выдохнула.

Облаченные в дорогую темно-сиреневую форму, которой армию снабжала Ось, невыносимо молчаливые и отстраненные, солдаты просто хватали нарушителей и уводили. К тому же они пугали не одну Мору – увидев гвардейцев, толпа бы рассеялась в один миг. А это просто бродяга.

– У тебя метка богов! – обдав зловонным дыханием, шепнул он ей прямо в лицо. – Тебя благословили боги...

Мора легко вывернулась и рванулась по ступенькам прочь. Какое еще благословение, если при встрече с ней люди хватаются за обереги?
Ненормальный...

Еще три сектора, и она будет дома. Только напрямую нельзя, чтобы никто не увязался ненароком: такое уже случалось, и окна семейного отсека закидывали камнями. По правую руку мелькали, как лошадки на ярмарочной карусели, трубы и флаги, вспыхивали на открытых лотках ржавые бока земляных персиков, стебли кровяного сельдерея, охапки пластиковых цветов. Листы металла, которыми была покрыта терраса, скрипели под ногами, когда Мора оскальзывалась в лужах на кругляшках конфетти. За ограждением по левую руку такие же террасы спускались ступенями гигантской лестницы прямо в провал Бездны.

Там, у последнего ограждения далеко внизу, Бездна казалась лиловой. Над островом, где упиралась в облака Ось, – светло-сиреневой. А если перегнуться через поручни и заглянуть с нижней террасы под остров – почти черной. Никто не знал, что там, на дне Бездны, но в этот мрак уходило ночевать светило.

Туда же, к нижним ярусам, теперь спешила и Мора. Сбежав по узкой лесенке, втиснутой между лотками, она оставила за спиной рыночный сектор и оказалась в жилом. Теперь справа вместо лотков потянулись ржавые кубы семейных отсеков. Окно и дверь – стандартный одноместный; окно, дверь и окно – отсек на женатую пару; дверь и три или четыре окна – на семью с детьми. Отсеки были сдвинуты плотно, как исполинские кирпичи, и эту кладку только иногда пересекали лестницы, ведущие с террасы на террасу. Устроены такие переходы были хаотично, и чтобы спуститься в самый низ Второго кольца, лестницы еще нужно было поискать.

Порой Второе кольцо представлялось Море гигантской юбкой, в которую была одета парящая в Бездне скала острова. Жилые отсеки, производственные цеха, алтари, лавки и торговые лотки прижимались одной стеной прямо к камню; другая их сторона смотрела в Бездну. Говорили, что Первое и Третье устроены совсем иначе, но представляла их себе Мора плохо – она там, конечно, не бывала. Честно говоря, она и по родному Второму ходила нечасто...

Поскользнувшись на мотке серпантина, киснущем в луже, Мора ухватилась за ограждение и стиснула зубы. И почему она не может праздновать, как все? Почему не может гулять по разукрашенным крышам с палочкой соленой ваты,

выбирать цветные браслеты, не пряча лицо, и пускать с другими в Кольцевой канал кораблики на удачу?..

Завтра начнется новый оборот, а для Мора все останется по-старому. Она снова запретя в семейном отсеке и будет мечтать о том, что когда-нибудь ей больше не придется убегать, когда-нибудь она сможет ходить по этим террасам обыкновенной красивой невидимкой.

Но чтобы стать такой, как все, копить ей придется целую вечность. Она могла бы наняться в подземные сады, подносить тарелки в закуской или, как Зикка и отец, устроиться на фабрику полимеров. Но с ее лицом ничего не выйдет, так что завтра она разошлет свой файл с пометкой «удаленно» и будет надеяться, что ее примут хоть куда-то. А если нет – вся надежда на родителей и старшую сестру...

Теперь до дома оставалось всего ничего – только пробежать витрину обувщика и протиснуться мимо уличного алтаря, но там ее снова ждала толпа, и Мора ускорила шаг и съежилась. К счастью, здесь на нее даже не обернулись.

Люди опускали на алтарь дары, шептали в ладони желания, просили прощения, а фигурки богов пилились в часток столб свечек. Съедобные подношения не залеживались: их склевывали одноглазые вороны, которые вечно кружили над алтарями, роняя корки и перья. Птиц никто не гонял: из-за крыльев их считали священными.

Легенды гласили, что когда-то боги тоже прилетали на остров, но люди о полетах только мечтали. Над загадкой полетов билось не одно поколение, но остров не отпускал, даже вороны не могли улететь в Бездну, а транспортные челноки – небесные черепахи – поднимались над землей только на пару ладоней. Мора, правда, челноков почти не видела – лишь у главного храма, и то издали, потому что зевак к ним не подпускали. Но сколько часов она просидела на своем подоконнике, представляя, как взмывает в воздух не только над родным Вторым кольцом, но и над Первым, и над башней Оси – над всем островом! Неподвижный черепаший нос разрывает дымную завесу облаков, под ногами кренится днище кабины, душа уходит в пятки, а бескрайняя вселенная Бездны поднимает ее на своих мягких ладонях...

В Бездне ведь не нужно прятаться от испуганной, разъяренной толпы, которая выкрикивает в спину проклятия. От вороньего грая Море захотелось заткнуть уши, но стоило захлопнуть за собой дверь семейного отсека, и звуки как черепашьей ластой отрезало.

В комнате было тихо, пахло соевой похлебкой и ванилью. Из окна, обвешенного гирляндами бусин и перьев, сочился мутный свет. В центре стола, смяв скатерть, возвышалось блюдо с белыми апельсинами, кокосами и ледяной ежевикой. Все из нижних садов – безвкусное, водянистое, но другого на Втором кольце не водилось.

Что за лицемерие этот Праздник урожая! Фрукты в подземных садах собирают круглый оборот, там наплевать, какой сейчас месяц и стоит ли в Бездне светило. Под землей его не видно, там все по-другому. Но праздник нужен, без праздника нельзя. Традиции следует чтить.

– Мора! Ну наконец-то. Скорее за стол!

Из кухонного уголка выглянула мама. Как-то странно улыбнулась дочери, засуетилась, принялась переключать приборы. Мора потянулась к ней – захотелось прижаться к родному плечу, зажмуриться и постоять так совсем недолго, – но вместо этого она просто подошла и опустила ладони на спинку стула. Прикосновения у них в семье были не приняты, хотя в редкие свои прогулки по террасам Мора понимала, что такие порядки далеко не у всех. Зато она ощутила знакомый, солено-карамельный аромат технического мыла, которым всегда пользовалась мама, и улыбнулась: так пах дом.

– Набегалась?

В уголках глаз у матери собрались морщинки, из прически кольцом выбилась прядь. Сегодня она убрала волосы по-праздничному – подняла повыше и заколола пластиковым цветком. Мора сомневалась, что такие цветы вообще существуют – на Втором зелень выращивали разве что на редких подоконниках, а в подземных садах, устроенных в скальной породе под террасами, все пространство занимали овощи и фрукты, так что цветы казались Море чем-то фантастическим. Конечно, по данным мобуса, на Первом кольце небесной зелени хватало...

– Ну садись же. Скоро выстрелят, – шепнула мать.

Отец шагнул в комнату, издавая привычный запах масла и резины с фабрики, выставил пузатую бутылку с имбирным напитком – сегодня можно! – и сел во главе стола. Оправив белый воротничок праздничной рубашки, он нарочито строго спросил:

– Сколько осталось, мобус?

Под потолком застрекотало:

– Три минуты двадцать девять секунд, хозяин.

Голос у мобуса был жидкий, надтреснутый, но к его хрипам давно привыкли. Он обитал в их семейном отсеке, словно дух, всегда, сколько Мора себя помнила.

– Ну скорей же, – пробурчал отец. – Зикка, дуй за стол!

Появилась сестра. Лиловое платье из искусственного шелка на ней так и переливалось. В волосах – фиолетовая лента, на пальцах – узоры из хны. Смерив Мору взглядом, она фыркнула:

– Ну ясно, сестренка у нас, как обычно, в костюме замарашки. Ты хоть в календарь-то смотрела?

Мора вскинулась. Ее платье для особенных случаев было простеньким, но красивым – синим, под цвет левого глаза. Оно ей очень шло, разве что подол немного забрызгало после пробежки по мокрым террасам крыш. И самое главное, темный цвет не привлекал внимания.

– А ты, наверное, только дни и вычеркивала, – не удержалась Мора, – лишь бы погулять.

Зикка сощурилась:

– Да по тебе Ось плачет. Пошла бы в монашки, гардероб у них как раз в твоём вкусе. Ой, чего это я... Ты же в богов не веришь! Вот ведь жалость, тогда не

ВОЗЬМУТ...

Мора сжала зубы. Надо было купить сестре разукрашенных перьев. Ей бы подошло, она как павлинья курица – яркая и бестолковая.

Хотя откуда Зикке знать, как Мора замирает от одного взгляда на Ось? Ни храм, ни Квартум ее никогда не занимали, но в их резиденции было что-то тревожное: башня из стекла и металла тонкой нитью соединяла остров и небеса Бездны, то ли подпирая их, то ли удерживая на плаву весь остров. Хотя, конечно, архитектура Оси просто не могла не вызвать тревогу: больше таких зданий не строили – центру власти надлежало доминировать.

– Тридцать секунд, – просипел мобус.

– Девочки! – гаркнул отец. – Сели!

Мать пододвинула Море бокал. Шипучая янтарная жидкость пахла остро и кисло. Мора наконец уселась, Зикка, изящно подоткнув подол, опустилась напротив. В общей комнате было тесно, спинка стула Моря упиралась в стену.

– Возблагодарим богов за добрый урожай, – сказал отец, – за удачный оборот и дружную семью. Пусть в наших душах живут мир, покой и счастье.

Зикка вздернула нос, и Мора подумала, что мир – это точно не про старшую сестру. Мать примирительно улыбнулась Зикке, а отец качнул головой – сейчас уж точно не время для споров. За окном радужно вспыхнуло, грохнуло, забренчали приборы на столе, и мобус прокряхтел в нарастающем шуме:

– Старый оборот окончен. Начинаю отсчет нового.

Мора уже ничего не слышала, кроме криков, свиста и трескотни фейерверков. Небо за грязным стеклом вспыхнуло, светило скрылось в разукрашенной дымке. Зикка в три глотка осушила бокал, отец отпил немного, мать – только пригубила. Мора понюхала свой имбирь, лизнула и крепко зажмурилась. Он обжигал, но вкус у него был приятный. Как хорошо быть взрослой...

Чуть только за окном поутихло, отец объявил:

– Время подарков! Начнем, конечно, с тебя, Мора.

Он сдержанно улыбнулся. Мать порозовела, теребя край скатерти. Мора переводила изумленный взгляд с отца на маму и обратно. Они что-то ей приготовили. Что-то особенное, что-то очень важное.

Праздник урожая не только отмечал наступление нового оборота – для удобства было принято, что в этот день каждый житель острова отсчитывал свой собственный, личный новый оборот жизни. У Моря же сегодня был и вовсе двойной праздник: ей исполнялось семнадцать. А это означало, что в этот оборот ей уже можно – официально! – сделать операцию. Но если другие, из-за ровных черт походя друг на друга как две капли воды, копили на операции ради того, чтобы хоть немного выделиться – впрыснуть под кожу цветной пигмент, сделать на носу горбинку или чешуйки на скулах, – то Море все эти особенности были нисколько не нужны. Она хотела стать как все. Хотела стать обыкновенной, среднестатистически красивой – каким на острове рождался каждый. Никто особенно не задумывался над тем, почему так происходит, а асимметрия или необычность черт встречались невероятно редко. Настолько редко, что случаи рождения некрасивых детей за всю историю острова можно было пересчитать по пальцам. И когда появлялся странный, «испорченный» ребенок, это событие тотчас обрастало безумными легендами.

Поговаривали, что «испорченным» не место на острове: в один прекрасный день они бесследно пропадали, а в их личных файлах в графе «причина смерти» значился прочерк. Правда, все они жили задолго до рождения Моря, и их исчезновения казались ей не более чем пустыми слухами, раздутыми за давностью лет. Мора была уверена, что люди просто терпеть не могут тех, кто отличается, – вот и сочиняют о них невесть что или даже подчищают о них память.

Ей отличаться не хотелось, и родители знали об этом прекрасно. Сколько раз она заговаривала об операции... Она Море нужнее, чем всем островитянам, вместе взятым, – ей ведь не для интереса, не для развлечения или украшения, Море просто нужно стать нормальной: ходить по улицам, не пугая одним своим видом. А родители – ну конечно, теперь все сходится! – очень долго откладывали деньги.

– Милая моя дочь, – торжественно начал отец. – В этот важный оборот боги послали нам для тебя особую возможность.

Он переглянулся с матерью, и Мора перестала дышать. Ну точно. Вот оно. Так и есть, она была права.

– Если честно, мы и подумать не могли, что все так случится, – мягко подхватила мама. – Что это вообще возможно.

Зикка фыркнула: вторые роли ей не нравились. Мора едва сдерживала улыбку. Еще бы! Такая операция стоит много, много оборотов работы...

– Мы понимаем, что все это очень необычно и даже непросто, – продолжил отец. – Но это первый шаг. Твой счастливый билет. А использовать его ты должна сама.

Счастливый билет! Да, именно он ей и нужен...

– Брат Теус говорит, что на Втором кольце тебе не место, – прошептала мать.

Мора быстро сморгнула. Брат Теус? Тот самый служитель, о проповедях которого мама с таким восторгом рассказывает по воскресеньям? Не место на Втором кольце?..

– Это особый подарок, – продолжил отец. – Такой достается далеко не каждому, и чтобы извлечь из него пользу, тебе придется потрудиться. Но он того стоит.

Отец сделал долгую паузу. Мора глядела на него в откровенном испуге. За головой Зикки в окне полыхали цветные пятна.

– Вот.

Отец протянул наконец конверт. Подарок был не толще ногтя, размером не больше ладони и казался почти невесомым. Мора разорвала бумагу, и на стол выскользнула сверкающая пластинка арканита, испещренная отверстиями. Мора подцепила ее и перевернула. На карте переливалась выведенная краской единичка.

– Первое кольцо? – Мора вздрогнула и перевела взгляд на отца. – Это карта доступа на Первое кольцо?..

Переходить через заслоны с кольца на кольцо можно было только сверху вниз, и с родного Второго ее пропустили бы разве что на Третье. Хотя под остров, где из-за недостатка места дома лепились к островной скале осиными гнездами, а люди передвигались по подвесным мосткам, в здравом уме не совался никто. И не потому, что оттуда было легче всего ненароком сорваться в Бездну, а потому, что жители Третьего завидовали чужакам с благополучного верха черной завистью.

Море казалось, что именно поэтому мобус и не давал ей голограмм Первого: незачем ей завидовать. Но сплетни все равно просачивались, и Мора слышала о Первом немало. О том, например, что оно совсем не напоминает гигантскую лестницу, опоясывающую остров. Первое, вероятно, как и Третье, только называется кольцом, а на самом деле напоминает просто круг.

А еще, слышала Мора, наверху есть небесные сады, которые одновременно цветут и плодоносят весь теплый сезон, питаются светом и дождями. Она гадала, какие там, наверное, прекрасные разливаются ароматы – Второе кольцо нередко задышалось от чада, который поднимался с Третьего, но наверху, воображала она, все совсем не так.

И теперь... она сможет подняться и увидеть Первое кольцо своими глазами. Но как к родителям попала такая карта?

– Это только половина подарка, – добавила мама со смущенной улыбкой.

Зикка заерзала – слишком уж много чести младшей сестренке, – но Мора не шевельнулась. Да, совершеннолетие – праздник особенный. Но карта доступа не операция, ее не купишь даже за огромные деньги.

– С завтрашнего дня ты имеешь право на профессиональную подготовку, – напомнил отец.

Мора нахмурилась. Она окончила школьный курс у мобуса и теперь могла или работать, или продолжить обучение, но о последнем отец не заговаривал. Образование стоило денег, а у семьи едва хватило на цифровой модуль для

мобуса.

Отец сделал паузу, очень внимательно рассматривая младшую дочь, а потом объявил:

- Тебя зачислили в университет на Первом кольце.

Мора выпрямилась, откинув прядь с лица. Зикка вздрогнула и отвела глаза, будто обожглась взглядом. Отец же смотрел на Мору стойко, но она видела: веко у него задергалось. Ему тоже было трудно видеть младшую дочь.

- Это шанс на миллион. Ты идешь не в училище, не в подмастерья, не в помощники на фабрике здесь, на Втором. Ты идешь в университет на Первом. Понимаешь? Вот эта карточка, - отец ткнул пальцем в карту доступа, - твой пропуск в большой мир. Ты сможешь остаться на Первом. Найдешь там работу. Понимаешь?..

Мора повела плечом. Она пока ничего не понимала. Так не бывает. Все это звучит слишком хорошо - и не только хорошо, но еще и ужасно тревожно.

- Сколько это стоило?

- О деньгах мы в доме не говорим, - отрезал отец.

Значит, много. Очень много. Очное обучение и без того стоит немало денег, а уж в университете на Первом оно несусветно дорогое.

- Но я же со Второго! Как меня туда приняли?..

- Брат Теус... посоветовал подать прошение. И храм это прошение поддержал, - тихо отозвалась мать.

Мора перевела взгляд на маму. Та смотрела перед собой, теребя открахмаленную к Празднику урюжая скатерть. Она обожала проповеди брата Теуса, а вот Мора терпеть не могла его лощеное, будто воском натертое лицо с извечно довольной миной. Ей казалось, что ложь у него не только в проповедях, но и в каждой елейной улыбочке.

– Так это какая-то благотворительность? – не поняла Мора. – Они берут меня из-за того... из-за того, что со мной?

– Брат Теус сказал, что такие, как ты, не рождались уже много сотен оборотов. Ты особенная... – пролепетала мама.

Мора вспыхнула. Интересно, брат Теус употребил слово «уродка»? А может, ее хотят отправить вовсе не в университет, а в лабораторию? Изучить, что за сбой дала природа, породив такую дурацкую ошибку?

– Когда мы подали прошение, – тихо продолжила мать, – тебя захотели принять сразу в трех местах. В двух академиях и в университете Его Святейшества Коддо. Мы выбрали лучшее. Выбрали. Понимаешь? Там прекрасные условия. Каждому студенту выделяют отдельную комнату... Устроишься с комфортом.

– Значит, вы выбрали университет.

– Именно так, – кивнул отец.

– А брат Теус нам помог, – тихонько добавила мать.

– То есть за меня поручились сектанты...

– Мора! – воскликнул отец. – Храм никакая не секта, и ты обязана уважать его, веришь ты в богов или нет.

Она слабо улыбнулась. Если храм подействовал ее чудесному переводу со Второго кольца на Первое – чего при обычных обстоятельствах не случается, – значит, жрецы от нее явно чего-то хотят. Но она даже не ходит в храм! Только мама там бывает, даже отец не успевает после своей фабрики. И брата Теуса Мора видела лишь несколько раз – смотрела, как он разглагольствует со своей кафедры о великих, которые приходят к нему во сне...

– Они что-то попросили взамен, да?

Мама подняла с блюда белый апельсин и принялась торопливо его очищать.

– С чего ты взяла? Им нечего просить. Как раз наоборот: они выделили щедрую часть пожертвований...

– О деньгах мы не говорим! – громко напомнил отец.

Мама осеклась.

– Храм нам помог. Взамен ты должна просто молиться...

Мора едва сдержалась, чтобы не фыркнуть, но отец, который не отличался особой набожностью, смотрел сейчас на дочь серьезно.

– Мобус, выведи договор о переводе и приказ о зачислении, – попросил он.

Прямо над столом в воздухе вспыхнула и закрутилась голографическая стопка бумаг.

– Смотри, если не веришь. Ты прошла по программе обмена талантами, ее поддерживает храм. У тебя приличные баллы, Мора.

Та нахмурилась и принялась перебирать голограммы листков. В официальных документах она ничего не понимала.

– Значит, все уже решено?

Мора с бессилием глянула на родителей.

Мобус под потолком что-то тихонько бормотал – то ли передразнивал, то ли болтал сам с собой. Скупую обставленную комнатку осветило всполохом, и безупречные лица матери, отца и сестры окрасились алым.

– Тебя приняли. Сегодня ты скажешь нам с мамой «спасибо» и подпишешь эти документы, а завтра отправишься на Первое кольцо. Через какие-нибудь десять оборотов ты, возможно, войдешь в Квартум и будешь жить не просто на Первом, а на самой Оси. Ты понимаешь, что это значит? Выше Оси – только боги.

Голос у отца вдруг стал тихим и жестким, как наждачная бумага. Такого тона Мора боялась больше всего.

- Ты думаешь, что я смогу попасть в Квартум? Я?.. С моим... с моим лицом?

Когда Зикка говорила про Ось, она, конечно, просто ерничала. Но отец рассуждал не просто об Оси - о месте в Квартуме. К тому же в сенате почти бесценно заседает всего четыре человека, и они же имеют абсолютную власть над всем, что происходит на всех трех кольцах. Каковы шансы попасть в Квартум у Моры?

Веко у отца все еще слабо подергивалось, но смотрел он ничуть не мягче.

- Забудь ты об этом своем лице! Когда окончишь университет, сможешь делать что хочешь. И операций себе наделаешь сколько влезет.

Но ей не нужно «сколько влезет». Как она окончит университет на Первом кольце, если даже на Втором за порог семейного отсека выйти боится?..

Мора опустила взгляд. Имбирь в ее бокале шипел, пузырьки золотились. Путевка в новую жизнь на Первом кольце - подарок за пределом всяких ее желаний. Какой дурак откажется туда переехать? Операция сделала бы жизнь Моры простой и понятной, но карта доступа на Первое кольцо даст куда больше. Только вот, прежде чем подавать прошение, родители могли бы поделиться планами с самой Морой. Ведь речь о ее будущем, а с сегодняшнего дня она совершеннолетняя и имеет право распоряжаться собой как захочет.

Мобус поскрипывал под потолком, будто качал невидимой головой.

- Мора, пойми, - тихо, но настойчиво заговорила мама. - Если ты поедешь, то сможешь выбрать себе будущее по вкусу. И твое лицо этому не помешает. Главное - ты сама. То, что у тебя внутри. Твоя смелость, твоя сила.

- Смелость? - Мора фыркнула. - Откуда у меня смелость? Где я возьму силу?

Мама закусил губу и легонько качнула головой. Конечно, она сказала это просто так. Все говорят такие вещи в напутствие, а обманываться иногда бывает

полезно.

Мора быстро опрокинула имбирь в рот, закашлялась от острых пузырьков и встала.

– Спасибо за подарок, – буркнула она и шагнула вон из общей комнаты.

Круглое окошко в ее спальне пропускало совсем немного света. Фасады террас не чистили несколько оборотов – говорили, у Второго кольца не хватает средств. Смешно, конечно, думать, но если она когда-нибудь и войдет в Квартум, то первым делом велит перемыть все окна. От верхнего яруса и до самого нижнего.

На спинке стула висело платье. Гладкое, бесстыдно-алое, оно так и резало глаза. На груди красовалась эмблема: золотая птица, раскинувшая крылья. Мора коснулась ткани: мягкая, натуральная. Да эта форма стоит целое состояние! Что там одно драконье яблоко, на токки, вырученные за такое платье, можно питаться много месяцев.

Мора сняла его со спинки, приложила к груди, подошла к зеркалу и повернулась левым боком.

Если смотреть на ее лицо слева, то Мора сойдет за любую посредственную красавицу острова. Такую не переселяют со Второго кольца на Первое. Такую не прочат в Квартум. Такую встретишь на террасе – и не заметишь.

Мора заправила волосы за ухо и повернулась к зеркалу правым боком. Теперь из отражения на нее смотрела уродина. Правая половина лица была изувечена: радужка глаза красная, кожа покрыта пятнами, пережевана и смята, как рисовая бумага. Не разглядеть ни скул, ни щеки – только безнадежно покалеченная кожа без линий и формы, как будто оплывшая восковая свеча.

И почему тот странный человек в толпе, схвативший ее за рукав, болтал про какую-то метку богов? Даже если бы боги и существовали – а это, конечно, просто выдумка суеверных старух и опора для таких, как мягкая, неуверенная мама, – то с чего бы им помечать одну из своих подопечных уродством? А может, «метка богов» – симптом болезни, из-за которой меченые потом и пропадают, как будто их боги к рукам прибирают?

Мора содрогнулась. Она никогда не задумывалась о том, что ее отметина могла портить не только внешность, но и здоровье. Однако никаких странных симптомов у себя Мора не замечала. Как раз наоборот – к ней даже простуда приставала редко. Нет, все это просто страхи. Страхи и суеверия. Болтать на острове горазды.

А если брат Теус ей и помог, то все это не более чем широкий жест «великого и щедрого храма». Не стоит удивляться, если назавтра газеты запестрят мерзкими заголовками вроде «Калека из трущоб получает шанс» или «Золотые горы для оборванки»... Но она никакая не калека, и Второе кольцо – далеко не трущобы. И все же Мора понимала, что получила свой шанс не из-за таланта, а из-за ошибки природы, и от этой мысли ей становилось противно.

Не только сестра, но и родители не могли смотреть на Мору без содрогания. Она привыкла ходить с распущенными волосами: вьющиеся, пышные пряди надежно прикрывали всю правую половину лица. Примирилась с тем, что ей приходится прятаться – так безопаснее. Научилась избегать перепуганной толпы и на террасы старалась выходить как можно реже. Что же будет завтра, на Первом кольце?

Зикка никогда не стучала в дверь – просто входила когда вздумается. Вот и теперь она заглянула и просто шагнула внутрь.

– Ну что, подписала уже свои документы? Избавимся мы от тебя завтра или как?

Мора даже не огрызнулась. Забравшись с ногами на подоконник, она глядела в лиловый провал Бездны, и ей вдруг подумалось, что куда проще она решилась бы переехать вниз, на Третье. Там на нее даже не посмотрят. На Третьем, наверное, всем плевать – хватает своих проблем.

Мора невольно усмехнулась собственным мыслям. Может, отец прав и она слишком много тревожится о своей отметине? На Первом кольце не жизнь – мечта, а Мора вдруг думает о Третьем.

– Ты же в курсе, как тебе повезло, правда? – протянула Зикка.

Темнеющую Бездну застилал дым. Празднование уже улеглось, но в отдалении нет-нет да и вспыхивали цветные пятна.

– Со мной родители не носились, – помолчав, выдала Зикка. – Никогда на меня такие деньжищи не тратили. Вряд ли всю сумму выплатил храм. Это ж никаких жертвований не хватит.

Мора обернулась, и сестра сразу отвела взгляд.

– Так ты любовь родителей токками померить решила? – спросила Мора.

Зикка была старше, на половину лица красивее, и мама всегда улыбалась, когда смотрела на нее. Зикке незачем было соревноваться с младшей сестрой – Море было очевидно, кто из них выигрывает.

– При чем тут любовь? – фыркнула Зикка. – При чем тут родители? За эту штуку тебя любой на Втором кольце порвет.

Она все крутила в пальцах арканитовую карту доступа, которую Мора забыла в общей комнате. Затем шлепнула ее на столик, и Мора невольно скользнула взглядом по рукам сестры.

Узоры, которые Зикка вывела хной к Празднику урожая, переходили в черные пятна – они покрывали ее запястья с самого детства, когда она переболела неизвестной лихорадкой. Окружной лекарь говорил, что такая хворь последний раз попадалась больше ста пятидесяти оборотов назад и что Зикке вообще-то повезло выздороветь: прежние случаи заканчивались плачевно. Так что Зикка своим везением гордилась и пятна под манжетами не прятала. Мама же при разговорах о том, как Зикка металась в бреду, вздрагивала до сих пор – слова лекаря о других случаях только растревожили ее. И что это за редкая смертельная лихорадка, которая приходила в последний раз несколько поколений назад? Но даже лекарь пожимал плечами.

– Вот это и пугает, – призналась Мора, глядя на карту.

Ей вдруг захотелось рассказать Зикке, как страшно было ей сегодня в толпе, когда все на нее уставилось, и как жутко будет уйти на Первое, где нет безопасного семейного отсека, а учиться придется по-настоящему – не дома с равнодушным добрым мобусом, а среди других студентов. Но Зикка будто услышала ее мысли. Она вдруг шагнула к Море, обхватила ее, прижала на миг к

себе и тут же отступила.

- Повезло тебе, сеструха. Просто решайся. И ничего не бойся. Ты все сможешь.

Мора опешила. Она еще чувствовала быстрое, порывистое объятие, руки Зикки у себя на спине, ее тепло, слабый аромат технического мыла с корицей, которым Зикка всегда промывала волосы, и ей вдруг стало до боли обидно.

Зикка никогда такого не делала. Не обнимала сестру, не говорила теплых слов. Море всегда казалось, что Зикке нравится поучать младшую сестренку колкостями, а о том, что Зикка может ее любить, Мора даже не задумывалась.

И почему Зикка сделала это сейчас? У Мора засосало под ложечкой, как если бы она перегнулась через парапет террасы и заглянула в Бездну. Что, если сестра больше никогда ее не обнимет?..

Зикка хотела было выйти, но остановилась.

- Я слышала, на Первом есть соцпрограмма.

Мора встряхнулась. С чего она решила, что больше никогда не увидит Зикку? Даже если она и решится перебраться на Первое, это не навсегда. И все равно ее мутило. Не знай себя, Мора подумала бы, что это дурное предчувствие, но она понимала, что ее тревога – обычный страх неизвестности. Она просто вздохнула поглубже и переспросила:

- Соцпрограмма?

- Бесплатные операции тем, кому очень нужно.

Мора закусила губу. Она слышала о том, что медицина на Первом куда лучше, чем на Втором. Но чтобы операции делали бесплатно?..

- Очень нужно?

- Если в заявке напишешь про травму, ее сто процентов одобряют.

- Но они же знают, что это не травма!

- В твоём университете, может, и знают. А в мед-центрах – нет. Люди там каждую неделю операции делают, никто даже заморачиваться не будет. Поверь мне, я знаю.

- Откуда?

- На фабрике слышала. Там один парень работает... Говорит, что его с Первого сослали.

- И ты ему веришь?

Как только парни перед Зиккой не бахвалились... Разговоры о них Мора слышала уже не первый раз.

- У него лицо переделанное. Сильно переделанное и очень качественно. У нас так не оперируют. Так что подумай.

Зикка сверкнула глазами, развернулась и вышла, а Мора еще какое-то время сидела, едва дыша. Затем рассеянно оправила платье и нащупала в карманах гребень и блок памяти. Она ведь так и не отдала родителям подарки... А Зикке и вовсе ничего не купила.

Она наклонилась и приложила ладонь к сенсору, вделанному в столешницу. В воздух взлетели бумаги, и Мора перелистнула их все до самой последней страницы. В ячейке слева уже темнела витиеватая подпись. Правая ячейка пустовала.

Если она согласится, то изменится все. Ей придется покинуть семейный отсек и начать новую жизнь на далеком Первом кольце. Не закидают ли ее там камнями в первый же день?.. Но если поверить, что там и правда можно сделать операцию... Если на Первом действительно есть та социальная программа, о которой слышала Зикка... то все изменится так, как Мора даже мечтать не смела. А если не сложится с программой – платят в закусных на Первом явно больше, чем на Втором. Она накопит – там это будет сделать проще, чем здесь.

Выдохнув, Мора придвинула к себе последнюю страницу договора и занесла палец над пустой ячейкой.

Глава 2. Смотр

Спорить Море не нравилось, особенно с мамой. Но от мысли, что придется пересечь в алом платье Второе кольцо, она краснела до кончиков ушей. Вся ее храбрость окончилась вчера подписью на документах о переводе, а выставлять себя напоказ, да еще и в этом чужом роскошном наряде она не хотела.

- Нет, мам. Не могу я его надеть.

Платье висело на спинке стула, эмблема университета посверкивала в утреннем свете золотистыми нитями.

- Это ведь форма! Ее прислали специально...

Мама рассеянно перебирала зубчики своей новой заколки, и Мора обхватила себя руками. Она уже начинала жалеть о том, что вчера решилась на все это. Что, если она просто не дойдет в таком платье до заслона? На Втором подобных тканей не носят.

- Я возьму платье с собой, но через все Второе в нем не пойду.

До этого Море доводилось спорить с матерью только однажды - когда она решила, что в храм больше ходить не будет. Тогда после разговора на языке остался кислый привкус, как будто ее жалили сами слова. Сейчас Море тоже не хотелось препираться, но она знала: если наденет платье, будет в тысячу раз хуже.

- Послушай. - Мама отложила заколку и опасно подняла глаза на Мору. - Брат Теус сказал, что ты должна соответствовать. Понимаешь?..

Опять этот брат Теус. Ну конечно. Из-за ее перевода поднимут шумиху. Люди начнут болтать о ней у каждого алтаря. Примутся выкладывать еще больше

подношений, чем прежде. Ринутся в храм с новыми пожертвованиями и будут мелькать у братьев перед глазами в надежде, что их тоже заметят и одарят.

– На Первом, – бессильно добавила мама, – твоя одежда будет смотреться странно.

Мора бросила взгляд в зеркало. Она надела платье, которое носила каждый день: бурая ткань, простой округлый ворот, длинные рукава, юбка до колена. Конечно, платье потрепанное, но хотя бы не бросается в глаза.

– И я не хочу, чтобы ты строила из себя оборванку... – вдруг выпалила мать и закусила губу.

Тотчас она протянула руку к Море, будто хотела забрать свои слова обратно, но отдернула ее.

– Ты думаешь, они не смогут забыть, что я со Второго? Люди на Первом?

– Если ты останешься в старом платье – уж точно не забудут.

Мора огладила красный шелк и подумала, что носить такой, наверное, очень приятно. Только не на Втором.

– Нет, мам, я не про платья. Я вообще...

– Не знаю, Мора. Не знаю. Это было бы непросто, даже если бы ты не была...

– Особенной? – усмехнулась Мора.

Мама несмело улыбнулась в ответ:

– Да. Особенной.

В ее голосе иронии не прозвучало. Мора мотнула головой:

– Переоденусь на месте. Ничего не случится, мам. Честно.

Мама повела плечом, глядя куда-то в сторону, словно хотела добавить что-то еще, но закусила губу и только бросила:

- Нам пора.

Мора на ходу оглянулась. Комнатушка у нее была стандартная, одноместная. Четыре квадрата: два из них – на постель, один – на рабочий стол со шкафом, один – свободный. А еще бесплотный мобус, который везде и одновременно нигде. Из окна струился бледный свет, испарина от Третьего кольца колыхалась грязной утренней дымкой, из вентиляции тянуло горелым. То ли запах вчерашних фейерверков, то ли кто-то из соседних отсеков перепек сою. Все такое знакомое и родное...

Из собственных вещей Море взять ничего не позволили, потому путешествовать ей предстояло налегке. Странное ощущение: она перебирается так далеко и так надолго, а из вещей у нее ничего и не будет, кроме алого форменного платья, которое прислали накануне.

- Готова?

Отец ждал у выхода, одетый в свой обычный рабочий костюм. Лицо гладко выбрито, глаза ясные, бодрые. Зикки не было.

- Я тебя провожу пару кварталов, – пояснил отец. – Иначе опоздаю. А мама ходит с тобой до самой стены.

До самой стены... И на том спасибо.

- А Зикка где? – все же спросила Мора.

- Уже ушла, – тихо ответила мать. – Сказала, что взяла раннюю смену.

Мора хотела хмыкнуть – с каких это пор Зикка берет сверхурочные? – а потом поняла. Весь свой запас сантиментов сестра израсходовала еще вчера. Ну и ладно – не навечно же Мора, в конце концов, уезжает! Зикка еще успеет ей попортить кровь. Они еще не раз поцапаются: Зикка скажет, что Мора – трусливая комнатная гlockка, а Мора назовет ее павлиньей курицей. Да, именно

так и будет.

Мора улыбнулась. Кажется, она и правда уже скучала по сестре.

* * *

Отец распрощался с Морой далеко внизу – сурово посмотрел на нее, вздохнул, будто запоздало пожалел, что расстается с дочерью, буркнул ей короткое «Ну, увидимся» и ушел. Преодолевая ярус за ярусом, Мора с матерью миновали три уличных алтаря. Мать высыпала в каждый по пригоршне зерна, и одноглазые вороны тут же начинали кружить над их головами. Свечи горели светло, почти прозрачно, и трепетали на ветру, а Море казалось, что резные физиономии богов ухмыляются. Если бы не брат Теус, она бы сейчас никуда не уходила. И откуда это дурное чувство, будто ее хотят принести в жертву великим? Может, с меткой богов просто-напросто выкидывают в Бездну, иронично предлагая «полетать»? Но сделать это проще с нижнего яруса Второго кольца – самого последнего и самого широкого пояса вокруг острова. Забираться наверх тогда бессмысленно.

Так высоко по Второму кольцу Мора еще не поднималась. Ярус за ярусом крыши светлели, воздух наливался теплом, и дышать становилось легче. Но Мора все равно запыхалась, и ей пришлось встать у ограждения, чтобы перевести дух. Небеса Бездны переливались загадочным лиловым, светило приподнималось из-под острова, из вечной черноты дна Бездны, и Мора зажмурилась.

Мама стояла рядом, и Мора потянулась, чтобы осторожно коснуться ее руки. Ей нужно было если и не крепкое объятие, как от Зикки, то хотя бы крошечное ободряющее прикосновение, но мама отступила.

Мора сглотнула ком в горле. Прохожие меж тем пялились – изумленные, любопытные, испуганные. Мора отворачивалась, но чувствовала взгляды спиной, да еще платье, даже сложенное вчетверо, ярко горело у нее в руках. Зеваки, охотники за сплетнями – все они не спускали глаз с Моры. Еще немного, и в толпе зашепчутся про «уродку»...

– Пойдем? – позвала Мора.

Мама кивнула, и они двинулись по лестнице вверх, чтобы преодолеть последний ярус.

Звенели колокольчики на дверных амулетах, ветер трепал бумажные гирлянды, в непросохших лужах плавали обертки и цветной серпантин. Море не верилось, что она вот-вот увидит заслон, и когда последняя крыша осталась позади, Мора невольно вздрогнула.

Перед ней по обе стороны простиралась высокая стена из матового, слегка вибрирующего материала, похожего на мутное жидкое стекло. Мора знала, что заслон создают арканитовые излучатели и от прикосновения к этой обманчиво безопасной поверхности ждет удар током, после которого можно пролежать не одну неделю в лазарете, но вдоль стены все равно тянулась шеренга солдат – молчаливых, бесстрастных, угрожающих.

Мора поежилась. Обычно, замечая патруль в свои редкие вылазки на террасы, она предпочитала перейти на другой ярус. Темно-сиреневая форма неприятно ярким пятном выделялась на буровато-сером, сдержанном фоне Второго кольца. В гвардию шли такие же простые парни со Второго, как и те, с которыми встречалась или работала на фабрике Зикка, но они проходили особую подготовку где-то здесь, на границе с Первым, и размещали их тоже здесь, на верхнем ярусе Второго. Говорили, что лучше жизни, чем у гвардейца, нет, но это дорогого стоило. Зикка была уверена, что в обмен на комфортные отсеки, хорошую пищу и большие деньги у солдат забирают души. Она как-то пыталась с одним пофлиртовать – в ту ночь отцу пришлось забирать ее из участка, а мать чуть не поседела. Те, кто попадались в руки гвардии, могли и не вернуться.

Невольно отступив в сторону, Мора наткнулась взглядом на фабричную пневмолинию. Труба из серого металла, а за ней еще одна и еще – все они не только змеились по террасам до самого последнего яруса Второго кольца, но и уходили прямо сквозь заслон на Первое. Значит, производства распространяют свои товары не только по Второму? А может, на Первом вообще нет фабрик?

– Мора... – шепнула мама. – Пора. Не бойся.

Мора встряхнулась и перевела взгляд обратно на заслон. Разве она боится?..

По центру террасы шеренга солдат распалась, открыв взору арку из светлого металла. Проход преграждала все та же матовая пленка заслона, но в том, что эта арка – путь на Первое, Мора не сомневалась: рядом виднелся столбик идентификационного пульта, в который следовало вложить личную карту.

Кто же здесь обычно проходит? Квартум сидит на Оси и все решения выносит оттуда, с Первого кольца спускаться на Второе тоже бессмысленно, кроме как ученым, испытателям, каким-нибудь искателям приключений. Но эксцентричным чудакам с Первого кольца можно простить что угодно. А вот тем, что решает подняться со Второго... Даже гвардия со Второго, несмотря на свое особое положение, никогда не покидает своего родного кольца.

Мора нащупала в кармане арканитовую пластинку и крепко ее сжала. Интересно, можно ли ее сломать? Личные файлы со старой карты перенесли на новую, и вся история Мору теперь хранилась в этом блестящем прямоугольнике с единицей.

Забормотали переговорные устройства, а по ту сторону заслона задвигались неясные тени.

– Повторите, – бросил один из солдат на проходе. – Вас не слышно. Повторите.

– Код десять-три-ноль. Повторяю: десять-три-ноль, – забубнили из динамика.

Мора вытащила свою карту.

– Чтоб меня в Бездну, – услышала она тихий голос одного из солдат.

Он смотрел прямо на Мору, когда из идентификационного пульта вылетели какие-то голограммы. Переговорные устройства продолжали бормотать, а заслон в проходе как будто слегка истончился.

– Пройдите сюда, – подозвал ее гвардеец, указав на идентификационный столбик.

Мора вздохнула поглубже, оглянулась быстро на маму – та, закусив губу, коротко кивнула, – подошла к пульту и вложила карту в прорезь. В воздухе

обрисовалась голограмма.

Мора прекрасно помнила день, когда снималась на свою голографическую проекцию. Ее заставили убрать волосы и смотреть вперед, а техник, который орудовал своими линзами и сканерами, так побледнел, что Мора почти разозлилась. В результате ее лицо на голограмме получилось еще уродливее, чем было на самом деле.

Мора оглянулась. Толпа у пропускного пункта колыхалась и перешептывалась, а мать смотрела куда-то себе под ноги. Мора еще крепче прижала к груди новую форму. Ей казалось, что сейчас на ней нет даже привычного потрепанного платья – перед всеми этими людьми она чувствовала себя голой.

Часть заслона, ограниченная сводами арки, зашипела и стала растворяться. Улица по ту сторону начала обретать контур. Шепотки в толпе стихли, и люди подались к проему, но полной прозрачности он так и не приобрел.

– Проходите, – буркнул солдат, не сводя глаз с Моры.

Ей показалось, что он не хочет ее пропускать – а может, дело было в ее пугающем лице. Мора забрала карту и оглянулась на маму. Хотела вернуться к ней, все же обнять – знала бы мама, как ей страшно! – но та сделала едва уловимое движение назад, и Мора только неловко сказала:

– Я... пойду?

Губы у мамы дрогнули, но она улыбнулась:

– Иди. И отправь мне сообщение, как устроишься. Поняла? Я буду ждать. Мне сказали, что письма могут читать, могут вырезать из них лишнее... Но переписываться не запрещают.

Мора кивнула. Оставалось надеяться, что она найдет на Первом мобуса.

– И еще... – Глаза у мамы заблестели. – Постарайся найти своих.

– Своих? – не поняла Мора.

- Тех, с кем ты сможешь подружиться. По-настоящему.

Мора нахмурилась:

- Да я даже на Втором таких не нашла, мам! Думаешь, это так просто? Как я найду их на Первом?

Мама качнула головой:

- На Первом или нет... Все у тебя получится.

Мора задыхнулась. Но она же не Зикка. Люди не ее стихия! Она знала, что на нее смотрят и солдаты, и все эти любопытные, обступившие проход, но ей было уже все равно.

- Зачем ты мне все это сейчас сказала? Как будто мало мне этого переезда... Вот зачем ты сейчас это сказала, мам?..

- Поторопитесь! - резковато окликнул ее солдат.

- Иди, - кивнула мама.

Но Мора лишь мотала головой:

- Поверить не могу...

- Или проходите, или нет, - повторил гвардеец. - Я закрываю проход.

- Иди!

Мора, не ответив, обернулась к арке. Она чувствовала зависть зевак спиной - позади шептались, бормотали, кто-то присвистнул. На Первом - все, о чем только можно мечтать. Почему же так страшно? Почему Море кажется, что ничего у нее не выйдет?

Она посмотрела на маму еще раз, и та несмело ей махнула.

- Ну, тогда пока, - выдохнула Мора и шагнула под арку.

Воздушная пленка пропустила ее и прямо за спиной с шипением уплотнилась. Серое пятно - платье матери - и темно-сиреневые силуэты гвардейцев исчезли. Здесь по обе стороны от прохода Мору ждали другие солдаты - та же форма, та же выправка и отстраненные, цепкие взгляды, - и все же они казались совсем другими. Впрочем, гвардия Мору увлекла меньше всего.

Исчезли из-под ног листы металла, которые укрывали крыши-террасы на Втором, исчезли и ограждения. В нос ударил терпкий медовый аромат. Мору окружала зелень - целое зеленое море, испещренное крапинками алых, желтых и оранжевых соцветий; оно обступало со всех сторон площадку из темного камня, над которой колыхались челноки. Неужели это и правда небесные черепахи? У себя дома она видела их только у главной причальной башни, да и то издалека и почти что не взаправду. На Втором пользоваться челноками имели право только братья храмов, да и магистраль для движения была всего одна. Чаще всего она пустовала, и, поднимаясь к пропускному пункту, Мора с матерью просто пересекли ее по крутой лестнице, не увидев ни одной черепахи. На Втором кольце привычно было передвигаться пешком по террасам, и челноки казались Море какой-то непонятной, бессмысленной роскошью. Но здесь, на Первом, все обстояло совсем по-другому.

Мора смотрела на стоянку челноков и не верила, что они так близко. Головы у черепах не двигались, а морды застыли, словно вырезанные из дерева, как фигурки богов на алтарях. Челноки слегка покачивались в воздухе, как люльки, а в кабинах, закрепленных на панцирях, было пусто - только виднелись обитые тканью сиденья и гладкие панели.

- Займите челнок, - кинул ей солдат.

Четверо гвардейцев, будто под конвоем, провели ее к черепахе. Мору передернуло - неужели они ее повезут, словно арестантку?

- Маршрут уже заложен в систему, - объяснил солдат. - Делать ничего не нужно, не беспокойтесь. Черепаха сама отвезет вас, куда требуется.

Он, кажется, даже сочувственно улыбнулся Море – а может, ей показалось. Его голос звучал дружелюбнее – хотя, может, дело было в том, что это другое кольцо. Значит, никто ее конвоировать не собирается? Она несмело шагнула к челноку, потянулась и огладила холодный металлический бок кабины. Мора взялась за поручень и ступила на выдвижную лесенку, ведущую по панцирю в кабину. Челнок спружинил, слегка покачнулся – Мора крепче вцепилась в поручень, – но тут же подстроился под новый вес и упруго выровнялся. Тогда она поднялась к кабине, перешагнула порожек и присела на край кресла, но гвардеец качнул головой, и Мора съехала вглубь сиденья. Порожек вместе с лесенкой приподнялись, и панель в передней части кабины замигала.

– К отправлению готова, – буркнул солдат в кнопку у себя на груди.

Челнок мягко заскользил в паре ладоней над мостовой. Стекланный купол над кабиной можно было опустить, но ветерок приятно оведал лицо, и Мора не стала ничего трогать. Она уже не заботилась о том, что на нее будут глазеть. Вместо привычного металла крыш, площадок под солнечными панелями и лестниц с видом на дымку, сочившуюся с Третьего, здесь лежали широкие проезды, на которых могли разом уместиться четыре челнока. По сторонам тянулись уютные цветные домишки и зелень с человеческий рост.

Здесь было столько пространства и света, что у Мора побежали круги перед глазами. Простор было не охватить, в него не верилось. И пахло здесь сладко и чисто. Ни дыма, ни гари, ни копоти – только душистый воздух, светлый, будто сине-зеленый, прозрачный.

Мягко колеблясь, черепаха пролетела прямо под ветвями. Мора вытянула руку и сорвала на ходу цветок. Он оказался прохладным, будто его напитали льдистой влагой; лепестки у него были плотные, сочные, а из самого центра тянулись наружу крошечные пушистые ворсинки. Цветок лежал у Мора на ладонях, и она не верила своим глазам: такой живой, такой настоящей... Она гладила его лепестки и вспоминала те бумажные гирлянды, которыми завешивали Второе кольцо на Праздник урожая.

Между тем челнок накренился, и проезд завернул в сторону. Магистраль расширилась, ряды домов раздвинулись. Зелени здесь оказалось еще больше, а по центру проезда, разделяя его надвое, тянулась полоса деревьев. Огромные и крепкие, одетые в темную кору, с раскидистыми, яркими кронами – от одного их вида у Мора по спине бежали мурашки. Раз или два она спускалась в подземные

сады на Втором и видела плантации белых апельсинов, но чахлые, тонкие деревца с почти прозрачными листьями не шли ни в какое сравнение с этими изумрудными гигантами.

Постепенно жилища менялись: раскрашенные фасады уступили место строгим, зеркально-металлическим, а те, в свою очередь, – воздушным, стеклянным, остроугольным зданиям. О таких домах мобус не рассказывал, и Мора поначалу засомневалась – неужели в этих причудливых формах из стекла живут? Но на подъездных дорожках, у полосатых причальных башен, стояли челноки и то тут, то там появлялись люди. На прохожих Мора смотрела во все глаза. Разодетые, будто Праздник урожая еще не кончился, раскрашенные, как на карнавал, длинноволосые и... разные. Неужели Зикка оказалась права?

На Втором кольце операции делали нечасто, а уж когда делали, новость облетала отсеки быстрее весенней лихорадки. О том, кто именно так сильно потратился и на что, говорили все. Обсуждали обновку и примеряли на себя – а пошло бы мне? Хорошо бы смотрелось? Потом качали головой и вздыхали: мне такое не по карману, не больно-то и хотелось, страшно это все и опасно... Но все равно мечтали. Обыкновенная, среднестатистическая красота островитянина располагала к себе, и на любое лицо, даже самое заурядное, смотреть было приятно. Но это же делало всех и неуловимо похожими, будто каждого здесь связывало кровное родство. А на Первом...

Такого обилия различий и странностей Мора себе и представить не могла. Заскучав, она крутила иногда у мобуса картинки, примеряя к среднестатистическому лицу обновки, но быстро от них отмахивалась: отклонения от нормы ее интересовали мало, ей хватало и собственных.

Здесь операции, очевидно, делали все, и лицо у каждого выходило свое. По-прежнему симпатичное, с классическим овалом и знакомыми линиями, но то тут, то там – неуловимые переделки или вполне заметные изменения. Мужественные шрамы, пикантные родинки и сверкающая, будто светящаяся кожа делали из этих людей такую пеструю, такую разномастную толпу, что Мора никак не могла поверить, что это те же самые жители острова, только состоятельные.

Из-за деревьев показалась свечка Оси, и Мора невольно вздрогнула. Одно дело – видеть Ось издали, с нижних террас Второго кольца, откуда она похожа на стальную антенну. И другое – подъехать почти вплотную и различить пояски этажей, тонкие, почти прозрачные рамы и даже очертания комнат. Неясная

тревога, которая всегда охватывала Мору при взгляде на Ось, усилилась, как будто шепотки где-то на границе сознания зазвучали громче, но Мора встряхнулась, и наваждение растаяло.

Она слышала, что здание Оси выстроили вокруг древнего исполинского дерева, но разглядеть его с магистрали так и не смогла. Поговаривали, что дерево когда-то посадили сами боги: оно занимало центральную точку острова, будто место вымеряли специально. Несколько сотен оборотов назад дерево пытались срубить, но не смогли и оставили его в сердце башни стержнем. Представив себе узловатые сучья и крепкий, шершавый ствол, заключенные в Оси, будто в защитном футляре, Мора подумала, что такой символ отлично годился бы суеверным островитянам для поклонения. Но о старом дереве лишь ходили слухи, а великих, кажется, не касалось ничего земное – только крылья, полеты и Бездна.

Чем ближе Мора подлетала к Оси, тем больше попадалось челноков. Они обгоняли ее на полном ходу, мелькали мимо, Мора даже не успевала разглядеть пилотов, а они – ее. Но и люди, которые переходили по стеклянным аркам над проездами, тоже не обращали на нее никакого внимания. Мора почувствовала себя невидимкой и распрямилась.

Когда магистраль вильнула вверх и в сторону, Мора выронила цветок и замерла: за оградой показались высокие стеклянные башни и узкие блестящие шпили, и именно к этому зданию приближался ее челнок. Черепаха сбросила обороты и плавно притормозила у причальной мачты. У ворот из цветного стекла ее уже ждали.

Высокая, затянутая в гладкое желтое платье женщина махнула Море. Та неохотно выбралась из челнока – слишком уж удобно в нем было ехать, – и черепаха, покачиваясь, развернулась и отбыла. Ну вот, теперь путь назад отрезан. Если Море и захочется позорно убежать, дорогу к заслону ей одной не найти. За разрисованными воротами маячили головы – десятки и десятки парней и девушек, которым не терпелось на нее посмотреть. Ну конечно. Учебный оборот начинается уже завтра, и все уже устроились. Мора же, наверное, прибыла последней. Или дело в другом? В том, откуда ее перевели и за что?

Женщина в желтом снова нетерпеливо махнула:

- Пойдемте скорее. Вас ждут.

Вот так просто? Ни единого вопроса? А может, ее голограмму здесь уже знают все и спрашивать просто незачем?

Ворота распахнулись, и толпа студентов расступилась. Одетые в алое, они глазели, не скрываясь, вставали на цыпочки и вытягивали шеи. Мора бросила быстрый взгляд и тут же засеменила следом за женщиной в желтом. Детишки богатеньких родителей... Все до единого переделанные. Все. Шепотки потянулись за ней, как призрачные руки. Мору ждали, о ней уже знали. Но не кричали хотя бы, не ахали, не бледнели. Пока просто смотрели.

Передняя зала встретила прохладой, и Мора только теперь поняла, как тепло на улице. Первое кольцо тонуло во влажной, сладкой дымке тропического сада, а вот в помещении было почти что зябко. Мора остановилась у двустворчатых дверей из органического дерева, которое на Втором можно было отыскать разве что на алтарях и в храмах, и женщина в желтом кивнула:

- Вам сюда.

Двери растворились, и женщина отступила в сторону. Мора, неловко запнувшись за порожек, шагнула внутрь. Сердце колотило в ребра, глаза слезились от волнения. Она так крепко прижимала к груди свое форменное платье, что безнадежно его измяла. Створки захлопнулись. В воздухе витал едва различимый душок влажного дерева, смолы и пыли. Странный запах, но неуловимо приятный, будто открываешь старую, глубоко запрятанную тайну.

- Два-семнадцать-шесть-один?

Мора вздрогнула, но все же подняла голову. Она никогда не слышала, чтобы ее личный номер произносили вслух. В этом не было необходимости, ведь в семье ее звали по имени. Она бы и забыла его, если бы цифры не требовалось вводить в систему мобуса. Первая из них соответствовала порядковому номеру кольца, на котором она жила, и Мора невольно задалась вопросом: что же, теперь ее код переделают? Или она так и останется двойкой среди единичек?

Между тем зал, в который она попала, оказался таким огромным, что у Мору закружилась голова. Она едва дышала, разглядывая высокие остроконечные

арки окон, воздушные колонны, увитые ползучей зеленью, зеркальные плиты пола и гладкие узорчатые панели на стенах.

Прямо перед ней, словно приготовившись к представлению, сидели за длинным столом четверо: темноволосая дама в меховой накидке, господин в белой рясе, мужчина в темно-синем костюме и старик. Последний из сдержанного общества выбивался почти бунтарским видом: его седая борода была заплетена в мелкие косички, а кожу – и на руках, и на лбу, и на щеках – покрывали бесчисленные татуировки. Выражение лица у него было блаженное, будто он едва ли понимал, где находится: когда Мора вошла, он отрешенно чертил пальцем какие-то узоры на столе и на гостью даже не взглянул.

За спинами этих людей стояли, будто караулом, гвардейцы, а чуть поодаль – пожилая дама в желтом, как и у первой провожатой, платье. Все такие сосредоточенные и важные, что Море показалось: еще немного, и она просто лопнет от страха.

Пожилая дама в желтом нахмурилась и повторила:

– Два-семнадцать-шесть-один? Подтвердите свою личность, пожалуйста.

Лицо у женщины было гладкое и свежее, зато волосы блее белого, как будто их хозяйка была глубокой старухой. Мора спохватилась и вытащила арканитовую пластинку. Поколебалась, не зная, куда ее опустить, а потом заметила прямо перед собой столбик с прорезью в плоской верхушке.

Когда карта утонула в прорези, в воздух вылетела уже знакомая голограмма. На свое изображение Мора не смотрела, но видела, как мелькают в повороте носки ее старых коричневых туфелек, в которых она снималась для файла.

– Подтверждено, – кивнула дама в желтом.

Голограмма растворилась, и карта выскользнула обратно.

– В твоём файле отмечено, что ты уже родилась с таким шрамом. Это правда? – спросил мужчина в темно-синем.

Мора осторожно кивнула. К ней тем временем подошел человек в длинном облачении – он явно служил в храме, но таких белых одежд Мора еще никогда не видела. Наверное, он занимает очень высокий пост... От храмовника разило затхлым, спертым духом, как будто его рясу хранили в запертом сундуке не меньше сотни оборотов, а глаза казались едкими, словно вместо радужки налили кислоты.

– Работа, безусловно, грубая, – процедил он наконец. – Такое могли сделать только в подпольной клинике на Третьем кольце. Ты, девочка, знаешь, чем карается покупка нелегальной операции?

На это Мора с ответом не нашлась. Неужели он думает, что на такую переделку кто-то решится в здравом уме?

Священник поднес палец к ее изуродованной щеке, но кожи не коснулся. Смотрел он на нее с неприязнью, и Море вдруг нестерпимо захотелось плюнуть ему в лицо. От этой мысли она покраснела: и откуда вдруг такие порывы?

– Посмотрите и вы, Маккус, – предложил храмовник.

Мужчина в синем встал и тоже подошел к ней:

– Ну-ка.

Он вскинул руку, схватил Мору за волосы и дернул, разворачивая ее лицом к свету. Мора охнула. Жест вышел властным и унижительным, как будто она была не человеком, а нашкодившей гlockкой. Или он просто не хотел прикасаться к ее лицу?

– Боюсь, девочка, у тебя могут быть серьезные неприятности, – процедил господин Маккус. – Твои файлы уже отправились на проверку, и если окажется, что их редактировали, у тебя будут крупные проблемы. А еще я лично прослежу за тем, чтобы твои данные сличили с базами всех клиник на острове. Всех, кто практикует без лицензии, мы проверим с таким же пристрастием. Если выяснится, что твоя отметина – дело рук хирурга, на дно пойдешь не ты одна, но и вся твоя семья. Ты, надеюсь, это понимаешь?

Мора хотела заговорить, хотя бы кивнуть, но от страха у нее словно язык отрезало. Теперь она почти мечтала оказаться в беснующейся толпе на Втором. Это куда лучше, чем такие угрозы – и не только ей, но и маме, и отцу, и Зикке.

– Мы не выписываем себе на Первое всех и каждого, – продолжал господин Маккус.

Стоять с запрокинутой головой было ужасно неудобно, и Мора переступила с ноги на ногу. С такого ракурса она видела только часть лица господина Маккуса; его губы, перевернутые, с подбородком вместо носа, двигались нелепо и уродливо.

– Ты и представить себе не можешь, сколько у меня на столе лежит прошений только за этот месяц. Как думаешь, сколько я подпишу? А? – Он снова потянул ее за волосы, и Мора зажмурилась. – Я дам тебе подсказку. Ни одного. А теперь догадайся, сколько сейчас на Первом кольце тех, кто родился за его пределами? Одиннадцать человек на шестьсот девяносто четыре тысячи. И одна из них – в этой комнате, но под очень большим вопросом. Думаешь, можно разукрасить себе личико и решить все свои проблемы? Думаешь, с Осью можно шутить?..

– Маккус! Довольно.

Поднялась наконец и женщина в меховой накидке. Ловко обогнув стол, она подошла поближе. Мору обдал аромат ее духов – легкий, свежий, как пыльца из бутона.

– Отпусти ее, Маккус. Девочке больно.

Господин Маккус нехотя разжал пальцы, и Мора отшатнулась.

– Я думаю, эта юная особа прекрасно понимает последствия, – заметила женщина, оглядывая Мору с головы до ног. – Более того, я уверена: даже если в ее документах и найдутся несоответствия, она к этому, вероятнее всего, не имеет никакого отношения. Ведь она же еще ребенок, ну в самом деле, господи!

Мора поежилась. Ребенок, как же...

– Я думаю, что дальнейшие расспросы ни к чему. Вы попросту запугали девочку.

Женщина качнула головой.

– Мне кажется, госпожа Тааре, это ей только на пользу, – возразил священник.

– На мой взгляд, не стоит допускать ее к занятиям, пока не придет отчет по ее файлу, – подхватил господин Маккус.

Говоря, он выставил подбородок вперед, и Мора только сейчас заметила, какой он неестественно квадратный. Смотреть на лицо с такой переделкой было неприятно: оно подавляло.

– Если честно, я бы предложил поместить ее в изоляцию, – продолжил Маккус, и Мора вздрогнула.

Одно дело – не допустить ее до занятий и вернуть до поры до времени на Второе. Но зачем ее изолировать?

– Нет, Маккус, я против радикальных мер, – заговорил храмовник. – Запирать ее мы не будем.

– Но может, хотя бы... – заикнулся Маккус.

– Пока не стоит. Еще рано. – И священник сверкнул глазами.

Мора насторожилась. Рано для чего?

– А вы что думаете, господин Ван Ортем? Оставить пока бедную девочку в покое?

Госпожа Тааре развернулась к старику в татуировках. Тот по-прежнему чертил пальцем узоры на столешнице и даже не поднял лица.

– Господин Ван Ортем, будем считать, «за». Я тоже. И вы, Ваше Святейшество?

Храмовник глянул на нее с неприязнью:

– Я бы попросил вас за меня не решать, госпожа Тааре. Это ни к чему.

– Что вы, Ваше Святейшество...

Госпожа Тааре развела руками и неглубоко поклонилась, словно извиняясь, но Мора видела: глаза ее смеются.

– Прошу меня простить, – заговорила в стороне дама в желтом. – Я все-таки хотела бы поднять вопрос о целесообразности зачисления этой девушки в мое учебное заведение.

Значит, она директор.

– Я понимаю, что плата уже внесена и все документы подписаны, но я до сих пор не вижу смысла...

– Госпожа Ли, – храмовник поднял ладонь, – я глубоко уважаю вас и тот труд, который вы проделываете каждый день в этом учреждении. Но я также очень прошу вас уважать наши решения. Об обучении вопрос не стоит.

– Но Ваше Святейшество...

– Довольно. Мы и без того потратили здесь слишком много времени. В конце концов, госпожа Ли, договор можно в любой момент разорвать. Помните об этом, два-семнадцать-шесть-один. – На последних словах Его Святейшество повернулся к Море.

Разорвать? То есть ее могут исключить и перевести обратно на Второе кольцо? Или исключить, но никуда не отпустить?

– Мы внимательно следим и за вами, два-семнадцать-шесть-один, и за вашей семьей. Можете считать, что вы на испытательном сроке.

Мора только сейчас поняла, что все это время почти не дышала. При чем тут ее семья?..

Глава 3. Госпожа Тааре

– Это все мне? – выдохнула Мора.

Напольное покрытие было таким мягким, что она засомневалась, можно ли по нему вообще ходить. А мебель, столько мебели! Туалетный столик, уставленный всевозможными баночками, тюбиками и коробочками, крошечный удобный пуф, шелковый диван с полудюжиной подушек и кресла, стенной шкаф с зеркалом во весь рост, огромная кровать, укрытая занавесями... Окна от пола до потолка, везде свет, и в одну эту спальню можно втиснуть не меньше трех семейных отсеков со Второго кольца...

Мора смотрела на госпожу Тааре и не верила, а та только улыбнулась:

– Довольна? Ну и хорошо. Устраивайся.

Возраст госпожи Тааре угадать было сложно. Пожилой она не казалась, но и совсем молодой тоже: слишком уверенно и изящно она держалась. Ни одной видимой переделки Мора не рассмотрела, но внешность госпожи Тааре была по-странному, неуловимо особенной. Врожденная красота такого впечатления произвести не могла: стандартные лица были приятны и невольно вызывали доверие, а от одного взгляда на госпожу Тааре захватывало дух.

Правда, Море сейчас казалось, что все это из-за благодарности: за нее заступилась только госпожа Тааре. Еще в зале, где проходил этот короткий и очень странный смотр, больше похожий на запугивание, она подхватила Мору под локоть и шепнула:

– Не бери в голову. Пойдем.

А потом повысила голос, обернувшись к желтой даме:

– Госпожа Ли, какую комнату определили новой студентке?..

Всю дорогу Мора неуверенно поглядывала по сторонам, но госпожа Тааре с мягкой настойчивостью увлекала ее за собой: мимо любопытных учеников, которых Мора так и не успела рассмотреть, по боковым дорожкам, быстрее, еще быстрее. Деревья мелькали, как будто Мора с госпожой Тааре летели на челноке. На ходу она объясняла:

– Это передний сад. Сейчас мы пройдем под эту арку и окажемся в центральном. Сюда выходят учебные корпуса. Всего их три. А вот здесь – спальный корпус... Признаться, я окончила этот университет довольно давно. Но помню его прекрасно. Такая уж штука это – время: столько оборотов прошло, а кажется, будто все случилось вчера... Ну, не робей. Идем же.

Из приземистого, перевитого зеленью здания выростали причудливые стеклянные башенки: округлые, чуть заостренные кверху, будто перевернутые капли, забранные в оправу из светлого камня. Учебные корпуса тоже оплетали лианы, но у каждого было всего по одной, очень крупной каплевидной башне, сквозь матовые стекла которой ничего не удавалось разглядеть. Центральный сад тонул в цветах – яркий, как птичье оперение. Зикке бы тут понравилось.

В спальном корпусе они миновали несколько коридоров с дверьми под номерами, а потом поднялись по винтовой лестнице и оказались в одной из башенок.

– Так что же, это моя комната?

Мора не понимала, почему ей отвели целую башню, а не комнату внизу – наверняка они были попроще.

– Да.

Госпожа Тааре обошла комнату, проведя ладонью по спинке дивана, а потом оглянулась. Забрала у Мора форменное платье, встряхнула его, положила на кресло, разгладив складки, а потом приблизилась к Море.

– Я знаю, прием вышел не из приятных... Прости нас. Но твой случай, увы, не из рядовых. Времени на обстоятельную проверку не было, и потому нам хотелось взглянуть на тебя лично.

Госпожа Тааре смотрела пристально, но Мора снова почувствовала ее духи и невольно расслабилась. На Втором кольце ароматами почти не пользовались – такие вещи были не в ходу. Мама хранила у себя один-единственный флакончик, на который отец когда-то довольно сильно потратился, и пользовалась им редко, но Мора хорошо запомнила этот запах: цветочный, тонкий, как газовая вуаль, едва различимый. Духи госпожи Тааре очень сильно походили на них, а для Моры они пахли безопасностью.

– Прости. – Госпожа Тааре отступила и принялась оправлять подушки на диване. – Ужасно бестактно с моей стороны вот так на тебя пялиться. Тебе и так хватает волнений...

Вообще-то госпожа Тааре «пялилась» удивительно тактично. Мама всегда отводила глаза, у папы начинался нервный тик, Зикку передергивало.

– Еще бы! – продолжала тем временем госпожа Тааре. – Такой переезд... Маккус, конечно, хам, но сказал он чистую правду: большинство прошений отправляется в мусорное ведро. Но...

Она подхватила с кресла форменное платье Моры и встряхнула его.

– Надо будет попросить его отпарить, – заметила она. – Ну да не беда. Успеется. Я вот в чем хотела тебе признаться...

Она посерьезнела. Мора неуклюже стояла посреди комнаты, и туфли ее утопали в мягком ворсе ковра. Казалось, стоит сойти с места, и вся эта роскошная обстановка пропадет.

– Понимаешь, до тебя уже переводили нескольких парней и девушек. В разное время, разумеется, – объяснила госпожа Тааре, устало потирая виски. – И большинство... фальсифицировали свои увечья. Хотели обманом получить место на Первом кольце. А потом, когда их обман вскрывался, они предлагали токки. И не просто токки – огромные деньги, каких не было у всех их родных. Одна предложила своего братишку... Представляешь? Сказала, что его можно разобрать на органы – мол, он такой здоровый, такой отличный, как она его назвала, «объект»!

Мора поежилась, тут же представив на месте этого мальчонки Зикку. Только вот как бы она ее ни недолюбливала и что бы ей ни предложили взамен, забрать ее в медцентр она бы не позволила ни за что на свете. Но неужели и на Первом практикуют эти жуткие «разборки»? Мобус говорил, что такими вещами промышляют на Третьем – продают друг друга от нищеты или по глупости попадают в сети мошенников.

– Конечно, медицина на Первом устроена совсем по-другому. А если бы и не была... Места на Первом кольце не продаются. Ну а ты... ты даже платье не надела, – снова улыбнулась госпожа Тааре. – Как будто ты сюда и не собиралась. Как будто вообще сюда не хотела. Я правильно тебя поняла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/evlahova_anastasiya/krasavica

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)